

Возвращение в мир Ночных Стражей

Кэтрин
Ласки

**ВОЛКИ
ИЗ СТРАНЫ
ДАЛЕКО-ДАЛЕКО**

Страж

Война сов
закончилась.
Волчья стая
ждет!

Волки из страны Далеко-Далеко

Кэтрин Ласки

Страж

«АСТ»

2011

Ласки К.

Страж / К. Ласки — «АСТ», 2011 — (Волки из страны Далеко-Далеко)

Родившийся с кривой лапкой волчонок Фаолан был оставлен погибать на берегу реки. Но он сумел выжить и вернулся в свой клан. А теперь он доказал, что достоин быть членом одного из самых уважаемых сообществ страны Далеко-Далеко – Священной стражи. Еще немного – и Фаолан займет свое место в Страже, но... тут волки узнают, что кто-то из них украл медвежонка. В стране Далеко-Далеко это считается самым страшным преступлением. Война между волками и медведями вот-вот начнется... если Фаолан не успеет отыскать предателей и спасти медвежонка.

Содержание

Часть первая	6
Так говорил фенго	6
Глава первая	7
Глава вторая	9
Глава третья	11
Глава четвертая	13
Глава пятая	16
Глава шестая	20
Глава седьмая	22
Часть вторая	25
Глава восьмая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Кэтрин Ласки

Страж

Печатается с разрешения издательства Scholastic Inc. и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Оригинальное издание опубликовано на английском языке под названием WOLVES OF THE BEYOND. WATCH WOLF.

Copyright © 2011 by Kathryn Lasky.

Interior illustrations by Richard Cowdrey.

Interior illustrations © 2011 Scholastic Inc.

© О.И. Перфильев, перевод на русский язык, 2012

© ООО «Издательство АСТ»

Часть первая Путешествие

Так говорил фенго

На продуваемом всеми ветрами гребне холма стояли два волка и смотрели вниз. Там, в лагере у подножия, два дня назад завершился гаддерглюд. Крупного волка с серебристой шкурой и слегка искривлённой лапой звали Фаолан. Рядом с ним замерла измождённая маленькая одноглазая волчица. Вопреки всем предсказаниям именно они были названы победителями, и теперь им предстояло стать членами особой волчьей стаи – Стражи Кольца священных вулканов.

Впервые за все время, что они числились глотателями, самыми презренными членами стаи, Фаолан и Эдме стояли горделиво и прямо, наострив уши и вытянув хвосты по ветру. Но прежде чем отправиться к Кольцу священных вулканов и начать новую жизнь, им нужно было совершить еще одно путешествие – слаан-лиф: это был ритуал прощания малькада – проклятого волка, родившегося с уродством, – со своей прежней судьбой. Слаан-лиф – ритуал примирения, странствие в поисках истины и своего места в мире.

Новорожденных малькадов уносили подальше от стаи и оставляли умирать. В тех редких случаях, когда несчастные щенки выживали, им дозволялось вернуться в свой клан в роли глотателя. И только те из них, кто докажет свое мастерство, могли когда-нибудь стать членами Стражи.

С давних времен существовал закон, что победившие на гаддерглюдах будущие стражи должны были сначала посетить то место, где их покинули, – тумфро на языке волков. Считалось, что таким образом они расстаются со своим прошлым и оставляют позади все унижения и страдания, которые им довелось пережить. Фаолана бросили на берегу реки, которая делила страну Далеко-Далеко на две части. Эдме когда-то оставили умирать на самой северной вершине Кривого Хребта.

Их шкуры трепал пронзительный ветер, необычайно холодный для весенней Луны Сбрасываемых рогов. Волки подняли морды. Небо покрывали плотные грозовые тучи. Однако мысли Фаолана и Эдме были заняты вовсе не погодой. Каждый задавал себе один и тот же вопрос: «В самом ли деле все мои беды останутся позади? Действительно ли я обрету покой и свое место в мире?»

В ушах их до сих пор звучали слова фенго: «Идите и найдите свой тумфро. Знайте, что вы больше не прокляты. Вы больше не малькады. Вы – волки Стражи, готовые служить во имя общего блага. Так говорил первый фенго, более тысячи лет назад спасший нас от Долгого Холода и приведший в благословенную страну Далеко-Далеко».

Глава первая Под звездами

– Фаолан, до того, как фенго сказал нам, ты догадывался, где твоё тумфро? – спросила Эдме.

– Я не догадывался. Я знал, что меня оставили на берегу реки. Мне рассказывала об этом Гром-Сердце. Только она не говорила, где именно.

– И ты уверен, что твоё тумфро именно там?

Эдме пристально вглядывалась в него своим единственным глазом. Пока что они шли вместе – цели их путешествия находились примерно в одном направлении. Завтра на рассвете они разойдутся, а после посещения тумфро снова встретятся и отправятся к Кольцу Священных вулканов.

– Странный вопрос, Эдме. Уж фенго-то должен знать.

– Наверное, так и есть, но... я не могу объяснить. Мне кажется, что Кривой Хребет – не совсем подходящее место. Я слышала, что каждый глотатель в глубине души догадывается, где его оставляли умирать. Это врожденное чувство.

– А ты ничего не чувствуешь?

– Не могу сказать точно... Но если бы чувствовала, то сказала бы, что мое тумфро точно не на северной вершине. – Волчица покачала головой, словно пытаясь вытряхнуть из головы тревожные мысли.

Фаолан посмотрел на нее. Сейчас, когда их приняли в Стражу, должна была бы начаться новая, куда более радостная жизнь, но по его спутнице этого не скажешь.

Эдме отличалась невысоким ростом и даже среди глотателей казалась самой неряшливой и отталкивающей. Отчасти это объяснялось тем, что она принадлежала к клану МакХитов, славящихся своей грубостью. Переносить все тяготы и невзгоды нелегкой жизни глотателя ей помогали врожденный оптимизм, надежда на будущее и неунывающий нрав. Даже сейчас она пыталась приободриться – отчего Фаолан еще сильнее ее жалел.

– Погляди на небо! Видишь, как Великий Волк указывает на Пещеру Душ? Как там ее называла Гром-Сердце?

В этом вся Эдме – любознательная, умеющая отвлечься от собственных переживаний.

– Медведи называют свою Пещеру Душ Урсуланой.

– Какое забавное слово – Урсулана!

Эдме повторила его, словно смакуя каждый слог.

– Иногда я думаю, что на небе нет никаких границ и оно одно на всех, – сказал Фаолан.

– Это чудесно! – воскликнула Эдме и негромко запела песню про единое небо и про населяющих его созданий, сочиняя ее прямо на ходу.

На востоке вставали все новые и новые созвездия, рассеивая ночную тьму тысячами огоньков. Фаолан внимательно слушал свою спутницу. Он надеялся, что ее пение – правда, что небо действительно одно для всех и что когда-нибудь он обязательно встретится с Гром-Сердцем, вырастившей и воспитавшей его медведицей – гризли, которая любила его, как собственного детеныша.

На ночь они остановились у небольшого болотца, на берегах которого росли крохотные ярко-желтые цветы. В качестве ночлега был выбран небольшой пяточок сухой земли под каменным выступом. У вершины скалы в вечернем ветерке колыхалась паутина, и Фаолан залюбовался ее хрупкой красотой.

– Знаешь, а я слышал, что паутина гораздо прочнее, чем кажется.

– Правда? – тут же загорелись глаза Эдме. – Где ты об этом слышал?

– Сарк-из-Топи так говорила. С помощью паутины она останавливает кровь и перевязывает раны.

– Ты ведь знаком с Сарк, да? – в голосе Эдме слышалось еле заметное волнение.

Фаолан ничуть не удивился: многие члены стай опасались волчицы-отшельницы, считали ее колдуньей.

– Да. Она понимает меня, как никто другой.

– Как ты думаешь, твоя мать приходила к ней после того, как... ну, ты знаешь...

Эдме не закончила, но Фаолан прекрасно понял, о чем она хотела спросить.

После того как матерей малькадов изгоняли из клана, многие из них приходили к Сарк, и отшельница давала им зелья забвения. Так волчицы быстрее чувствовали в себе силы жить дальше, вступить в новый клан, найти нового супруга и родить здоровых волчат.

– Я не знаю своей матери, но за зельями она не приходила. Сарк сама мне об этом рассказывала. А твоя приходила, как думаешь?

Эдме ответила не сразу.

– Понятия не имею. Я вообще ничего об этом не думаю, как и о тумфро.

Фаолан заметил, что она не стала произносить слово «мое» – «мое тумфро». Северная вершина значила для Эдме не больше, чем самая далекая звезда.

Вскоре после начала слаан-лифа волки обнаружили след лосей, вместе с молодняком мигрирующих на север. Карибу сбрасывали рога морозными зимними месяцами, а лоси – весной; потому-то этот месяц и назывался Луной Сбрасываемых рогов или Луной Новых рогов.

Со старыми рогами, богатыми питательными веществами, быстро разделялись мышцы, однако Фаолану и Эдме удалось найти пару нетронутых, и волки принялись выглаживать на них рисунки, рассказывающие о слаан-лифе.

Потребность выглаживать рисунки на костях была заложена в глотателях самой природой. Ни Фаолану, ни Эдме не требовалось демонстрировать эти рога другим членам Стражи – им просто хотелось запечатлеть свое путешествие. И неважно даже, увидит ли их рисунки кто-то еще: выглаживаемые кости – это знаки, которыми они оба отмечали важный этап в своей жизни – переход на службу в Стражу Кольца Священных вулканов.

Волки старательно изображали проплывавшие над головой созвездия, вязкий аромат жёлтых цветов, чарующую красоту паутины, тронутой ночной росой, и тихую, нежную песнь травы, колыхаемой почти по-летнему теплым ветром.

Глава вторая

Зимние сны летней ночью

С небосвода ушла луна, похолодало. Волки прижались друг к другу и заснули. Фаолану приснился костер в пещере МакДунканов: он горел, когда молодой глотатель, нарушив закон, предстал перед рагнайдом – собранием волков клана. Ему снился не жар яркого пламени, отражавшийся в глазах старейшин, а узор из пылающих углей, сияющий в кострище, – желто-оранжевая спираль. Почему-то она напомнила Фаолану отметину на его кривой лапе. Во сне спираль все росла и росла, пока не захватила глотателя целиком. Сквозь языки пламени смотрел на него Дункан МакДункан, прежний вождь клана.

– Он знал! Знал!

– Фаолан, проснись!

Фаолан мгновенно вскочил, оттолкнув Эдме. Волчица не сводила с него взволнованного взгляда.

– Кто знал? И что?

– Я что, разговаривал во сне?

– Да. Похоже, это был очень беспокойный сон. Тебе приснился кошмар?

– Нет, не кошмар. И не плохой сон. Мне снились огонь и тепло.

– Мне тоже снилось тепло. Такое зимнее сновидение, – отозвалась Эдме.

Фаолан выглянул из убежища и огляделся.

– Ты только посмотри! – воскликнул он.

Неглубокое болотце покрывала корочка льда. Первые лучи солнца проглядывали с востока сквозь острые замерзшие, покрытые инеем стебли травы.

– Ой, что это? – удивилась Эдме. – Гляди-ка! Паутина на месте, хоть и вся замерзла, а ветер дул сильный. Даже не порвалась! Крепкая, как ты и сказал.

– Да, к ней даже кусочки льда примерзли, а она целехонька.

У Эдме застучали зубы, и она сильнее прижалась к Фаолану.

– Сейчас же почти лето. Скоро Луна Мух наступит! Ничего не понимаю. Должно же быть тепло!

– Лоси и карибу мигрируют на север, но если и летом будет холодно, они вернуться, – сказал Фаолан.

– Если здесь и летом будет холодно, нас круглый год ждут голодные луны.

* * *

Волк и волчица, подбородками прижав к груди кости с рассказами о слаан-лифе, пошли прочь от болотца. Теперь Фаолану нужно было повернуть южнее, к реке, а Эдме направлялась на север, к Кривому Хребту. Встретятся они уже в начале Луны Мух – первого по-настоящему летнего месяца.

– Будем надеяться, что эти мухи не станут белыми, – сказала Эдме с обычной для нее жизнерадостностью, и ее слова приободрили Фаолана. Возможно, его спутница не так уж волнуется по поводу тумфро, как он предполагал. Когда волчица окажется на вершине горы, то в глубине ее души обязательно что-то всколыхнется и она узнает нужное место.

Ближе к полудню иней растаял. Солнце ярко сияло на почти безоблачном небе. Эдме знала, что вершины гор покрыты льдом, но удивилась, увидев, как низко опустились их снежные шапки. Однако склоны у подножий, как и раньше, усеивали мелкие цветы – известные просто как «горные цветы из страны Далеко-Далеко», они отличались неприхотливостью и

могли расти в самых суровых условиях, на каменистой почве. Им удавалось прижиться даже в расщелинах скал, откуда семена других растений просто сдувало злыми ветрами. Цвели они недолго, и даже заморозки не могли им в этом помешать.

Эдме остановилась и опустила кость, чтобы поближе рассмотреть ледяную фиалку – та всегда распускалась первой, в конце Луны Трескучего льда. Любуясь переплетением тонких прожилок на лепестках, волчица удивлялась стойкости цветка, выросшего прямо на камне.

«Такая хрупкая и одновременно крепкая, как паутина после заморозка, – подумала Эдме. – Мне нужно быть такой же сильной и крепкой».

Волнуясь, она поднималась по склону горы, и с каждым шагом ее беспокойство возрастало. Волчицу не покидало чувство, что с тумфро что-то не так.

К тому времени, как она взобралась на гребень и направилась к вершине, солнце уже стояло в зените. «Ладно, сейчас разберемся», – успокаивала себя Эдме.

Вершина оказалась отнюдь не такой острой, как выглядела издали. Так часто бывает: чем дальше до вершины, тем более крутой она кажется. На самом деле здесь была относительно ровная, плоская каменистая площадка.

Пусто. Никаких чувств. Ничего, совсем ничего.

«Я никогда не была здесь, никогда. Это не мое тумфро!»

Глава третья

Запах реки

Со сменой времен года запах реки почти не меняется. Даже если она покрыта толстым слоем льда, все равно этот характерный привкус не спутаешь ни с чем. В Луну Трескучего льда река освобождается ото льда, и бурлящая вода, смешиваясь с илом, омывает корни растущих на берегу деревьев. Проходя мимо летней берлоги, Фаолан ощутил, что внутри него тоже бурлят воспоминания. Скоро он увидит весеннюю пещеру, где в мохнатых объятиях кормилицы, огромной медведицы гризли по имени Гром-Сердце, прошло его детство.

Глодатель сразу же узнал это место. Вот крутой выход к реке, вот пещера, а вот и полянка, где кугуары убили последнего медвежонка Гром-Сердца. Фаолан остановился. Удивительно, но после землетрясения сохранилась даже скользкая тропинка, ведущая к берегу. У деревьев, стоявших вдоль нее, ветки были поломаны и ободраны – медведица кидалась на них в ярости и отчаянии. Здесь же она пыталась утонуть, но река оказалась слишком мелкой. Она умоляла Великого Медведя Урсуса забрать ее на небо, когда почувствовала, как что-то коснулось ее лап. Поначалу Гром-Сердце решила, что это просто комок речного мусора. Но он оказался волчонком.

Кормилица рассказывала эту историю множество раз. Сейчас, когда Фаолан стоял на том самом месте, где его нашли, в памяти вновь всплыли ее слова. Отсюда до тумфро, где обея Шибан оставила его умирать, километра три; конечно, он обязательно туда отправится, но сейчас ему хотелось побыть у берлоги. «Я искала смерти, – вспоминал волк слова медведицы, – а ты искал жизнь. Ты – дар реки».

А теперь Гром-Сердце мертва. От нее остались только кости, на которых Фаолан запечатлел историю того первого – и последнего – лета.

Найти тумфро оказалось не так уж трудно. Прошло уже три зимы, но берег, похоже, ничуть не изменился. Над водой, где холодный воздух от реки смешивался с теплым, нагретым солнечными лучами, поднималась легкая дымка. Сердце у Фаолана отчаянно забилося, голова слегка закружилась, шерсть на загривке встала дыбом. Вот и небольшая выемка – здесь от берега откололась льдина, на которую его положила обея. Значит, это и вправду его тумфро – место, где маленького серебристого щенка оставили умирать.

Фаолан обошел его трижды. Знакомыми казались не только запахи и звуки, но даже ощущения от прикосновения лап к земле. Волк сел на землю и пристально вгляделся в воду. Дымка сгустилась, отчего колыхание волн стало еще более чарующим и завораживающим. В ушах глодателя снова раздался рев волн и треск льда. Он вонзил когти в землю – словно маленький волчонок вновь отчаянно уцепился за льдину. Шум становился все сильнее и сильнее; в бурлящих волнах отчетливо проявился знакомый спиральный рисунок – тот же самый, который Фаолан видел в своем сне среди углей костра.

* * *

Волк понял, что ему нужно сделать. Он должен принести кости Гром-Сердца обратно в пещеру на берегу реки и соорудить из них друмлин – небольшой курган в ее честь. Фаолана беспокоило, что он так и не видел, как лохин Гром-Сердца поднимался по звездной лестнице. А с друмлина медведице было бы легче запрыгнуть на первые ее ступени. Только соорудить костяной курган нужно не там, где она умерла, а там, где они нашли друг друга. Такова была цель его слаан-лифа.

Дымка рассеялась, река вновь успокоилась и лежала перед ним словно темно-янтарная лента. Серебристый волк сразу же направился к тайнику, где хранил кости своей кормилицы. По дороге ему в голову вдруг пришла еще одна важная мысль: «А как же моя настоящая мать? Где она сейчас? Что она думает обо мне? Неужели она считает себя проклятой из-за того, что родила такого щенка? Были ли у нее другие дети? И где сейчас мои братья и сестры?»

Глава четвертая

Не настоящая глотательница

Спускаясь по склону кривого хребта, Эдме думала о Фаолане. Как он там? Что он чувствует на своем тумфро? Уж наверняка не ту пустоту, которую ощутила она, взобравшись на каменистую вершину. Неужели она настолько холодна и бесчувственна?

Нет, обвинять себя не в чем – скорее всего, либо тумфро не тот, либо фенго ошибся. Маленькая волчица собралась было отправиться к обее клана МакХитов и расспросить ее, но сразу же отказалась от этой мысли. МакХиты ненавистны ей, Эдме не хотела даже возвращаться на их территорию.

Обеей у МакХитов была белая волчица Эйрмид. На старом волчьем языке это слово – «Эйрмид» – означало «пустая, бесплодная»: злое, обидное имя для волчицы. Конечно, все обеи бесплодны, но так назвать ее, прямо указывая на ее жалкое положение, додумались только МакХиты. Они вообще не особо скрывали свои дурные и жестокие инстинкты. Поведением этот клан напоминал стаю летучих мышей-вампиров, которые высасывают у жертвы ровно столько крови, чтобы та не умерла и позже можно было вернуться и напиться еще. Те же из МакХитов, которые оказывались недостаточно жестокими, либо просто не доживали до взрослого возраста, либо убегали в другие кланы, даже на дальний север – к МакНамара. Нет уж, хватит с Эдме этих «родственничков», она достаточно на них насмотрелась.

Перепрыгивая канавы и рвы и осторожно спускаясь по крутым уступам, волчица пыталась представить, как она смогла преодолеть всё это, будучи одноглазым щенком. Говорят, что выжившие малькады обладают особым инстинктом, позволяющим им находить дорогу в свой клан, но Эдме в это не верила. Она с самого детства старалась держаться от МакХитов как можно дальше.

Погруженная в свои мысли, она добралась до подножия горной гряды и остановилась как вкопанная: перед ней стояли Инглисс и Киран – годовалые волчицы из Каррег Гаэра вождя МакХитов. Кровь застыла у маленькой волчицы в жилах. Эти двое отличались особой жестокостью: они всякий раз старались сильнее ее толкнуть, побольнее цапнуть за ухо, вонзиться зубами в морду поближе к единственному глазу. Эдме инстинктивно поджала хвост и приняла позу покорности, но тут же опомнилась. «Мне не нужно больше им подчиняться, я ведь больше не глотатель. Я член Стражи. Если уж на то пошло, так это они должны демонстрировать мне почтение». Шерсть у нее на загривке вздыбилась, уши встали торчком, а единственный глаз ярко вспыхнул.

– Быстро ты научилась, как я погляжу! – ехидно заметила Инглисс, старшая из двух.

– Ага, но разве она не смешно выглядит? Взъерошилась вся, такая забавная! – поддакнула Киран, всегда готовая вторить заводиле.

– И уж, конечно, в таком виде она совершенно недостойна идти к Кольцу, – добавила Инглисс.

Эдме вовсе не собиралась с ними спорить. Она просто пошла своей дорогой. Но волчицы не отставали: они шли справа и слева от нее, приблизившись уже почти вплотную.

– А ну убирайтесь! – пролаяла Эдме. – Вам нельзя больше оскорблять меня, ни словами, ни укусами.

– Ах, ну да, верно, – ухмыльнулась Инглисс. – Видимо, нам с самого начала вообще не стоило придираться к тебе. Ты же не настоящая глотательница.

Эдме застыла на месте.

– Вы что, кэг-мэг? О чем это вы?

– Хочешь узнать? – спросила Инглисс и обернулась к напарнице. – Ну что, рассказать ей?

– Можно и рассказать, – как бы невзначай заметила Киран, словно думая о чем-то своем.

– Дорогая Эдме, мы пришли извиниться за свое поведение, – начала Инглисс.

Волчицы едва не касались мордами ее носа – так близко они теперь стояли. Эдме изо всех сил старалась не растерять остатки самообладания.

– Не стоит. Просто оставьте меня. Мне нужно отправиться к Кольцу и присоединиться к Страже.

– Я бы на твоём месте не торопилась, – сказала Киран.

– Я бы тоже. Что они скажут, когда узнают, что ты не родилась малькадом?

– Да о чем вы говорите? – прорычала Эдме сквозь оскаленные зубы. Никогда еще она не выглядела настолько разозленной. Подруги-волчицы слегка съезжились и отступили.

– Это сделал с тобой вождь Дунбар МакХит! – выпалила Киран.

– Что сделал?

– Вырвал глаз!

– Вырвал глаз?.. Вы хотите сказать... сказать, что... это значит... значит... – Она никак не могла подобрать подходящие слова. – Я не родилась такой?

– Нет, – довольно ответили обе. На морде Инглисс опять заиграла ухмылочка. – Мы слышали, как об этом шептались на гаддерглоде. Поэтому ты не настоящая глотательница.

– И когда это выяснится, – добавила Киран, – тебя исключат из Стражи.

– Они, кстати, могут это просто почувствовать, – сказала Инглисс.

– А если я сама скажу? – спросила Эдме, повернувшись мордой в сторону территории МакХитов.

– Скажешь? Кому? Эдме, ты куда?

– К вашему вождю.

– Что? – Киран не сдержала изумления.

– Ты передашь ему то, что мы тебе сказали? А понимаешь, что нам за это будет? – жалобно спросила Инглисс, не отставая от маленькой волчицы ни на шаг.

– Раньше нужно было думать.

– Но какой толк рассказывать это Дунбару МакХиту? И что ты ему скажешь?

– Что скажу? – Эдме резко остановилась. Взгляд ее единственного глаза пронзал былых обидчиц насквозь. – Я скажу, что буду служить в Страже не как член клана МакХитов, а как волк-одиночка!

Обе подруги рухнули на брюхо и принялись ползать в пыли у лап Эдме, умоляя ее не ходить к вождю. Но волчица оставалась непреклонной: она твердо вознамерилась добраться до Каррег Гаэра МакХитов.

Теперь всё встало на свои места. Понятно, почему она ничего не чувствовала на тумфро: с тем местом Эдме ничего не связывало. И неужели ее мать выгнали из клана? Впрочем, это уже не важно. Сейчас важно, что она, несмотря ни на что, страдала не зря. Она честно выиграла гаддерглод. Пусть она и не малькад, но место в Страже заслужила и будет выполнять свои обязанности прямо и смело. И то, что Эдме всю жизнь держалась в тени других членов клана, ей не мешает. Глубоко внутри себя волчица знала, что она достойна Стражи.

* * *

А в это время Фаолан переносил огромную бедренную кость Гром-Сердца с места ее гибели туда, где она нашла Фаолана и стала его кормилицей.

Гром-Сердце умерла во время землетрясения, когда Фаолану едва исполнился год. На нее свалился огромный валун, оглушив и сильно поранив. Так она и лежала, истекая кровью. Когда спустя несколько месяцев после гибели медведицы Фаолан впервые наткнулся на ее череп, тот выглядел ужасно огромным, пустым и безжизненным, особенно в лунном свете. Сейчас же,

спустя два года, сквозь него уже проросла новая жизнь. Вся поверхность кости покрывали мох и лишайник; в одной из глазниц расцвел огуречник.

Теперь серебристый волк не смог бы сдвинуть череп с места, даже если бы захотел. Так что пусть он останется памятником изменчивой, вечно возрождающейся жизни на земле. Но остальные-то кости Фаолан может перенести на новое место и соорудить из них друмлины, который будет символом жизни в небесной Урсулане.

Интересно, дошла ли Гром-Сердце до Урсуланы? Да, она умерла, но ее дух вполне еще мог странствовать по земле. Может, у нее остались неоконченные дела? Гвиннет, знакомая масковая сипуха, как-то говорила Фаолану, что так бывает со скрумами – духами сов: они попадают в Глаумору только после того, как закончат все дела на земле. И своим друмлином волк надеялся подать душе медведицы, ее лохину, знак, что с ним, с Фаоланом, всё в порядке и что Гром-Сердцу уже не обязательно дольше оставаться в этом мире.

Он уже вырезал историю их совместной жизни на запястной кости и спрятал ее отдельно от других. Больше выглаживать ничего не нужно. Положив бедренную кость Гром-Сердца поверх друмлины, Фаолан понял, что совершил правильный поступок. Кость лежала так красиво, словно это и было ее законное место.

Серебристый волк почувствовал, что с его плеч разом спал тяжелый груз. Когда на небе появились первые звезды, он поднял морду и завыл:

Ты, Гром-Сердце, уходи,
Оставь кости позади!
Ты закрой свои глаза,
Чтоб не падала слеза.
Не гляди назад с тоской,
Песню грустную не пой.
В Урсулане тебя ждет
Звезд блестящих хоровод.
Выше к звездам поднимайся,
На земле не оставайся!
Обернись ты дымкой светлой
И подай мне знак небесный.
Сын твой смотрит на тебя
И прощается, любя.
Он уже не тот щенок,
Что прожить один не мог.
Он не сгинул, не пропал,
Стражем он дозорным стал.
Не тревожься ты о нем,
Его взгляд горит огнем.
Помнит он чудесный год,
Как мы жили без забот.
Помнит он вкус молока,
Помнит, как текла река,
Нежный взгляд и сердца бой...
Только ты иди, не стой.
Не волнуйся, уходи,
Оставь кости позади!

Глава пятая

Кровь и Шипы

В первый месяц лета, когда солнце поднимается выше всего и идет по небу рука об руку с луной, наступает самый длинный день. В этот единственный день в стране Далеко-Далеко цветет огонь-трава. Под лучами яркого солнца и его сестрицы луны на колючих стеблях распускаются крошечные алые бутончики. Листья у огонь-травы мягкие и сочные; в них много жидкости, от которой у волков начинается приятное головокружение. Вот только добраться до этих листьев сквозь острые, похожие на волчьи зубы шипы вовсе не легко.

И хотя цветы на огонь-траве появляются в самый разгар жаркого лета, они знаменуют поворот земли в сторону зимы. Дни становятся всё короче и короче; серебристая полоска света, сияющая на севере ночью, – всё уже и уже, пока не исчезает совсем; солнце по вечерам садится всё раньше. В день, когда зацветает огонь-трава, волки из страны Далеко-Далеко устраивают Праздник Крови и Шипов. Его отмечают во всех кланах, но особенно шумно – у МакХитов: там дело часто доходит до грубостей и драк, а так называемые «дружеские поединки» порой заканчиваются смертью.

В бытность свою глотательницей Эдме старалась в этот день не попадаться на глаза остальным членам клана. Однако сейчас, стоило ей только появиться в лагере Каррег Гаэра, шум и вой тут же прекратились и все взгляды обратились на нее. Волкам явно не нравилось, что Эдме пришла в стаю с выпрямленным хвостом и гордо поднятой головой. На морде волчицы застыло выражение крайнего негодования. Ничуть не смущаясь, она прошла прямо к гаддерхилу – церемониальной пещере вождя.

– Что ей нужно? – шептались между собой одни волки. – Да еще в День Крови и Шипов?

– Посмотрите на ее хвост и уши, – бормотали другие. – Быстро же она усвоила позу превосходства.

– Нет, я ни за что не улягусь перед ней в пыль, – добавляли третьи.

Услышав последнюю фразу, Эдме едва не рассмеялась. «Уже завтра или даже раньше вы сами будете меня умолять об этой чести. Но я уйду, уйду к Кольцу как одиночка».

Одиночкам, бесклановым волкам, которых их матери оставили умирать в лесу, дозволялось принимать участие в гаддерглоде, и если они побеждали, то тоже становились членами Стражи Кольца Священных вулканов. В каком-то смысле Фаолана тоже можно было назвать одиночкой, потому что он не сразу вернулся в клан, а некоторое время жил сам по себе.

Эдме теперь нужно во всеуслышание заявить, что она одиночка, – сначала МакХитам, а затем и всем остальным кланам. Слаан-лиф – это путешествие в поисках истины и примирения. Ну что ж, истину она уже обнаружила, а сейчас добьется и примирения.

У входа в гаддерхил Эдме увидела Дунбара МакХита – тот с трудом передвигал лапы, почти повиснув на одном из своих лейтенантов. Поперек морды вождя от глаза до шеи шел шрам, на котором не росла шерсть; эта отметина придавала Дунбару особенно свирепый вид. Правда, сейчас он выглядел, скорее, смешно: по густой шерсти стекали струйки крови, свидетельствуя о том, что вождь тоже пытался добраться до сока огонь-травы. Судя по поведению Дунбара МакХита и по тому, что он едва держался на лапах, ему это удалось. «Интересно, протрезвеет ли он, когда я сообщу о причине своего появления в клане?» – усмехнулась Эдме.

– А ты что тут забыла, проклятая волчица, отродье сумрачного мира? – начал он. – Неужели они от тебя отказались? Не справилась?

– Дело не в Страже. Я просто хочу кое-что выяснить.

– О чем она? – повернулся вождь к лейтенанту, и тут его вырвало.

Мех на загривке Эдме встал дыбом, отчего она сразу словно стала выше ростом. В единственном глазу вспыхнула ослепительная зеленая искра, и, заметив ее, вождь с лейтенантом

словно по команде отвернулись от волчицы, как отворачиваются от жалящих лучей солнца во время затмения.

– Идите в гаддерхил и сзывайте рагнайд, – властно приказала Эдме.

Дунбар МакХит неожиданно замер, слегка поджав хвост, – едва намечая позу покорности. Лейтенант маячил позади и, наоборот, держал хвост почти трубой, словно уговаривая вождя не терять присутствия духа. А Эдме тем временем гордо прошла в пещеру.

«Не могу поверить», – думала она. Как будто весь мир перевернулся с ног на голову! Она ведет своего вождя в церемониальную пещеру! Она приказывает ему или, по крайней мере, делает вид, что приказывает!

Вслед за ними в гаддерхил вошли около десятка волков – до листьев огонь-травы они уже добрались полным составом, но кто-то явно успел съесть больше. Все они бросали на Эдме настороженные взгляды. Немудрено: их бывшая глотательница разительно изменилась. Внешне она оставалась все той же одноглазой и неприглядной маленькой волчицей. Но сейчас, вздыбив мех на загривке и приподняв хвост, она казалась больше и внушительней, особенно рядом с взъерошенным вождем, заляпанным собственной кровью и с застрявшими в шерсти колючками.

Дунбар принял позу покорности, но не до конца – он словно шутил, притворялся, как щенок, который только учится себя вести.

Среди вошедших была и обея клана, Эйрмид. Совершенно белая, ничуть не запятнанная кровью, волчица казалась клочком тумана, занесенным в пещеру вечерним ветром.

Собрав остатки здравомыслия, Дунбар МакХит подошел к Эдме:

– Зачем ты вернулась, если фенго Стражи тебя не изгонял?

– А с какой стати фенго меня изгонять? Или для этого есть причины?

Вопрос повис в воздухе, слишком холодном для Праздника Крови и Шипов.

– Нет, конечно же, нет!

«Как-то слишком бурно он протестует, – подумала волчица. – Разве это не подозрительно?»

– Я ведь родилась несчастным малькадом, верно?

Эдме повернулась к обею, которую пока еще не все успели заметить.

– Да, Эйрмид, выйди вперед, – предложил Дунбар. – Ведь это ты относила малькада на тумфро. Подтверждаешь мои слова?

– Я предпочту хранить молчание, вождь.

– Мы твоего мнения тут не спрашиваем! – взорвался он, на негнущихся ногах проковылял к Эйрмид, схватил ее зубами за загривок и подтащил поближе к костру.

– Не оскорбляй обею! – Эдме уверенно ткнула Дунбара головой в бок. – Моя история мне уже известна. Я не родилась малькадом – меня им сделали! Кто вырвал мне глаз? Не ты ли, Дунбар?

Послышались изумленные вздохи. До сих пор ни один волк не смел так разговаривать с вождем. А Эдме не только ткнула его в бок, но и обратилась без титула и по имени.

– Кто тебе такое сказал? – процедил Дунбар МакХит сквозь зубы. – Кто?

– Неважно кто. Просто выслушай меня, и выслушай внимательно.

В гаддерхиле нарастало напряжение. Внутри один за другим заходили остальные волки, многие из них были пьяными, и Эдме начинало казаться, что она стоит на краю бездонной пропасти. Некоторые из присутствующих являлись членами рагнайда – кланового суда, имевшего право толковать законы, регулирующие жизнь волков из страны Далеко-Далеко. Струйки крови на шкурах кое-где смешивались с тающими снежинками. «Как странно, – подумала Эдме. – В Праздник Крови и Шипов идет снег!»

Тут в голову волчице пришла идея. Она сыграет на суевериях, к которым чрезвычайно склонны многие волки, особенно МакХиты и МакДаффы!

– Слушайте, что я скажу, – продолжила она. – Все вы заметили, что погода в этом году необычная. Пожалуй, такой снежной весны и такого холодного лета мы не видели со времен Долгого Холода. Никогда еще не бывало, чтобы летом на шкуру падал снег.

Она мотнула головой в сторону только что вошедших в пещеру волков.

– Да, действительно необычная, – подтвердил волк по имени Блиден. – Погода в этом году кэг-мэг, это точно!

– Заткнись, – буркнул вождь.

Эдме кивком подтвердила правоту Блидена, словно он был самым умным среди всех собравшихся. Этот пепельно-серый волк с бритвенно острыми клыками отличался необыкновенной силой, и поэтому его всегда охотно брали в боевые отряды слинк-мелфс. Их задачей было уничтожать животных, угрожавших клану.

Маленькая волчица снова заговорила – медленно и вдумчиво, словно размышляя над чем-то очень важным.

– Не кажется ли вам, что безумие погоды – это следствие ваших поступков, вашего безумного поведения? Прошу вас, уважаемые члены рагнайда, задуматься над тем, что бывает, когда нарушают законы о малькадах. Например, не разгневается ли дух первого фенго, узнав, что щенку вырвали глаз лишь для того, чтобы тот стал членом Стражи? Ведь этот фенго когда-то вывел нас из плена Долгого Холода! Возможно, его гневом и объясняется такая необычная погода.

Послышались настороженные вздохи и даже жалобные звуки, похожие на скулеж отнимаемого от груди щенка. Волки клана МакХитов отличались крайней жестокостью, но в них жило и еще более сильное чувство – страх.

Эдме приблизилась к членам рагнайда. «Какое же они все-таки посмешище по сравнению с рагнайдамаи МакДунканов, МакНабов или Мак-Ангусов!»

– Я отправляюсь к Кольцу Священных вулканов, но не как член клана МакХитов, а как волк-одиночка. Я отрекаюсь от вас, отказываюсь принадлежать к вашему клану.

Челюсть Дунбара МакХита отвисла, словно он не верил своим ушам; из пасти закапала слюна, алая от сока огонь-травы. В глазах вождя ясно читалось недоумение. Прежде чем до присутствующих дошел смысл ее слов, Эдме развернулась и вышла из гаддерхила. А пока все пришли в себя, маленькой волчицы уже и след простыл.

Тем временем непогода разыгралась вовсю. Посыпался снег. Началась метель. Подумать только, настоящая метель – в разгар лета!

* * *

В гаддерхиле царил переполох.

– Убить ее! Вырвать ей второй глаз! Нет, вырвать язык, чтобы она никогда больше не говорила таких дерзостей! – наперебой кричали волки.

Громким лаем Дунбар МакХит призвал всех к порядку. Он уже почти протрезвел и даже успел принять угрожающую позу, более подходящую его положению в клане. Каждый волосок меха вождя торчал дыбом, отчего Дунбар казался вдвое больше обычного.

– Послушайте меня, волки клана МакХитов! Послушайте своего вождя! Никакого убийства... – Дунбар сделал эффектную паузу и окинул взглядом своих лейтенантов. – Никакого убийства, пока я не скажу.

Он сделал еще одну паузу.

– Настанет время, и гнусная предательница Эдме получит по заслугам. Но это будет не простое убийство, а гораздо хуже!

– Что может быть хуже убийства?

– Пока просто будем внимательно следить за ней.

Лейтенанты обменялись беспокойными взглядами. «Следить за ней? Что-то хуже убийства?» Их залитые соком огонь-травы мозги шевелились с трудом, и никто из волков даже представить себе не мог, что такое можно придумать хуже убийства и истязаний.

Вождь продолжил:

– Будем за ней следить, чтобы обнаружить ее слабое место. А затем накажем как следует.

Дунбара трясло от злости. Он так долго ждал, чтобы кто-нибудь из МакХитов стал членом Стражи! Недавние слова Эдме окончательно его разъярили.

В прояснившуюся голову вождя пришла идея. Нужно только дождаться, пока волки успокоятся, и сразу огорошить их новостью. Если в чем-то Дунбара МакХита и можно было назвать мастером, так это в искусстве убеждения и манипулирования.

Когда вождь наконец заговорил, остальным пришлось изо всех сил тянуть шеи и напрягать уши, чтобы хоть что-то услышать, – так тихо Дунбар это произнес:

– Друзья мои, вполне возможно, вы сейчас смотрите на следующего фенго.

Волки дружно изумленно вздохнули, и в гаддерхиле воцарилась мертвая тишина.

Глава шестая

Слова обеи

В яростном мельтешении снега светлело пятно – белее вихрящейся вокруг метели: обея последовала за Эдме.

– Постой, Эдме! – провyla она. – Постой! Это я, Эйрмид!

Ее слова словно разорвали плотную пелену снега: имя обеи редко произносили вслух, а чтобы она сама назвала себя по имени – такого даже и помыслить было нельзя! Если глотатели считались низшими по положению членами стаи и их безнаказанно унижали и обижали остальные волки, то у обеи никакого ранга не было вовсе. Бесплодных волчиц ничто не связывало с их кланом – и их старались не замечать, словно невидимок. Эйрмид слышала, что в других кланах к таким, как она, относятся гораздо вежливее, чем у МакХитов, но многие беременные волчицы все равно сторонятся обеи, опасаясь, что те могут сглазить будущих волчат.

Однако сейчас Эйрмид необходимо было поговорить с Эдме и рассказать ей гнусную тайну клана МакХитов, о которой умалчивали много лет. Обея чувствовала, как ей становится легче от этого намерения – словно в душе ее появилась трещина, и теперь оттуда вытекает вся накопившаяся грязь.

Услышав призыв обеи, Эдме остановилась, расставив пальцы пошире, чтобы не проваливаться в снег – сугробы вокруг всё росли. Эйрмид наконец догнала маленькую волчицу:

– Иди за мной. Если что, вырою снежную нору, хотя мне кажется, что буран затихает.

Вырыть с Эйрмид снежную нору? Разве малькад когда-нибудь заговаривал с обеей, не говоря уж о том, чтобы разделить убежище с той, кто оставила его умирать на тумфро? Нет, это точно находилось за гранью понимания.

– В чем дело? – сухо спросила Эдме. – Что ты от меня хочешь?

– Ты должна узнать правду.

– Я и так знаю правду. Я знаю, что со мной сделали. Я знаю, что ты не относила меня на тумфро.

– Да, это так. Но есть и еще кое-что. За все время, что я числюсь обеей МакХитов, я не отнесла на тумфро ни одного щенка.

– Ни одного? Никогда?

Вот теперь Эдме по-настоящему удивилась.

– Никогда!

Они вырыли в снегу яму и улеглись в нее, но почти сразу же буран прекратился и выглянуло солнце. К тому времени, как Эйрмид закончила свой рассказ, в сугробах уже то тут то там чернели изрядные проплешины.

– Получается, что в самом недостойном среди всех кланов никогда не рождалось настоящего малькада. Как будто вся их некрасивость переходит в души, не касаясь тел. А ведь уродство души гораздо хуже внешних недостатков.

Обея вздохнула и крепко зажмурилась, словно собираясь с духом, чтобы продолжить.

– Когда выяснилось, что я бесплодна, я даже немного обрадовалась. Мне не хотелось передавать потомству дурную кровь клана.

– Но ведь клан МакНамара был основан выходцами из клана МакХитов, – заметила Эдме. – А МакНамара – благородные волки.

– Это произошло почти тысячу лет назад. Первой МакНамарой была самка клана МакХитов по имени Хордверд. Потом к ней присоединилось еще несколько волчиц. И по сей день самки МакХитов порой перебегают к МакНамарам, а в нашем клане имя «Хордверд» считается проклятым.

– Какое мне теперь дело? Я уже не МакХит, – стояла на своем Эдме. – Хотя этого имени я никогда не слышала.

– Оно запретное. А запретный плод, как ты, должно быть, знаешь, всегда сладок. Имя передавали по секрету из уст в уста. В клане МакХитов всегда существовала группа волков – так называемое общество Хордверд, – которые хранили память о первой МакНамаре. Временами общество исчезало, но потом появлялось вновь. Некоторые самки из него, кому духу хватало, даже перебежали к МакНамарам.

Вырытая в снегу яма давно превратилась в лужу.

– В самом деле странная погода, – сказала Эйрмид. – У тебя хорошо получилось сыграть на суевериях клана. Может, страх на время отвлечет их от ненависти.

– Ты хочешь сказать, от того, чтобы преследовать меня.

– Да. Им очень хотелось, чтобы в Стражу взяли их представителя.

– Я не скажу, откуда узнала про вырванный глаз.

– Рано или поздно это перестанет быть тайной.

– А если станет известно, что ты встречалась со мной?

– Это не важно.

– Почему?

– Я тоже уйду. – Эйрмид нерешительно помолчала, но всё-таки продолжила: – Кажется, я последняя из общества Хордверд. Хватит с меня МакХитов, пойду к МакНамарам. Я давно уже хотела уйти, но всё никак решиться не могла – они ведь соберут бирргис в погоню за мной.

– А на твоей памяти кто-нибудь сбегал?

– Да. Только одна волчица.

– И кто же?

Зеленые глаза Эйрмид вспыхнули так ярко, что стали почти прозрачными. Она перехватила взгляд Эдме, и челюсть ее задрожала.

– Кто? – переспросила маленькая волчица.

– Твоя мать.

Перед глазами Эдме все закружилось, и она крепко зажмурилась.

– Ей удалось сбежать?

Эйрмид понуро опустила голову.

– Она была храброй волчицей, Эдме. Очень храброй. Видела шрам, который украшает нашего вождя?

Эдме кивнула.

– Ее работа, – сказала обая. – Она целилась ему в глаз – в отместку за твой.

Глава седьмая

Клочки

– Так этот шрам оставила твоя мать? – удивился Фаолан.

Эдме промолчала.

Они встретились у болотца, где несколькими днями ранее рассматривали покрытую инеем паутину. Фаолан не верил своим ушам. Ложное тумфро... Волки, вырывающие глаз у щенка из собственной стаи... Смелая мать и смелая дочь, отрекшаяся от клана...

– Да, забыла рассказать еще кое о чем, – добавила Эдме.

«Как будто этого недостаточно», – подумал Фаолан.

– Я раньше особо не задумывалась, насколько МакХиты суеверны. Но когда пошел снег, меня осенило, что они пьяны по самые глаза, и я решила воспользоваться случаем. Хотела сбить их с толку.

– И что же ты сделала?

– Обратила их внимание на необычную погоду. Сказала, что такой снежной весны не бывало со времен Долгого Холода.

Фаолан склонил голову, бездумно царапая землю кривой лапой. В его зеленых глазах светилось беспокойство.

– Думаешь, что не надо было?

– Нет-нет, всё правильно.

Эдме показалось, что ее спутник сейчас где-то далеко отсюда. Как будто перед его глазами проходят отрывки давно позабытого сна.

– Что же теперь скажет фенго? – спросила Эдме.

– О чем?

Фаолан моргнул и снова стал прежним. Волчице показалось, будто его блуждающий дух вернулся в покинутую на время шкуру.

– Ну, то есть он не прогонит меня из-за того, что я не настоящий глотатель?

– Но ты же выиграла гаддерглот и продемонстрировала свои способности. Ты такой же настоящий глотатель, Эдме, как и все остальные.

– Вдруг он подумает, что если примет меня, то другие волки тоже начнут специально калечить своих щенков.

– Вот еще! – гневно воскликнул Фаолан. – Никто из остальных кланов не сравнится с МакХитами в грубости и мерзости. Даже не думай об этом. Всё, нам пора идти.

Эдме хотелось поподробнее расспросить Фаолана о его тумфро, однако серебристый волк гораздо больше значения придавал месту, где его нашла медведица. Маленькая волчица была уверена, что у него получился прекрасный друmlin в честь Гром-Сердца, потому что ни один волк на ее памяти не выгрызал кости настолько красиво. Она подумала о своей матери и о том, что ее кости, должно быть, лежат где-нибудь, всеми позабытые, или и вовсе исчезли. А было бы так приятно сделать такой же друmlin и для Акиры!

«Акира». Имя матери музыкой отзывалось в сердце Эдме. Она мысленно повторяла его снова и снова. «Какие мелодичные звуки!» – думала Эдме все время, пока они шли к Кольцу Священных вулканов.

* * *

По дороге на восток Фаолан и Эдме старались держаться подальше от территории, на которой МакХиты обычно охотились летом. Они неспешно трусили по сугробам, и сереб-

ристый волк уже хотел было заговорить о том, как это странно – метель летом, когда оба выбежали на большую поляну. Посреди покрывавшего ее снега алело кровавое пятно. Волки замерли, шерсть на загривках встала дыбом, глаза превратились в зеленые щелочки. В следующую секунду ветерок донес до них запах с поляны.

Волчья кровь! От этой мысли сердце Эдме пропустило удар. «Великий Люпус! Пусть это будет не она, – взмолилась волчица, вспомнив слова Эйрмид. – Если МакХиты узнали про побег, пусть шлют бирргис и за мной. Пусть только попробуют меня поймать!»

– Что тут случилось? – недоуменно спросил Фаолан, заметив на краю поляны клочки шерсти.

Они прошли чуть дальше, и глазам предстало омерзительная картина – разорванные останки двух волков.

– Инглисс, – тихо произнесла Эдме.

– Что?

– Инглисс и Киран. Я узнала их по шкурам.

Волчица с облегчением вздохнула: это не Эйрмид. Но зрелище было ужасающее. Никому не пожелаешь такой смерти, даже тем, от кого сам немало пострадал в свое время.

– Зачем было их убивать?

– От них я узнала, что меня сделали малькадом. Наверное, Дунбар МакХит как-то это выяснил.

Эдме глубоко вздохнула и продолжила:

– Они всегда так делают. Вот только почему... почему не в Яме?..

– В какой яме?

– Неважно, – мрачно отрезала Эдме.

Они обошли место расправы, стараясь не смотреть на кровавые останки волчиц, виноватых лишь в том, что они привыкли хвастаться и насмехаться. И чем дальше лежал их путь, тем больше в Эдме крепла уверенность, что она не зря отеклась от своего клана и что каждый шаг приближает ее к матери, к Акире. Она – достойная дочь смелой волчицы. Пережитый ужас заменил Эдме воспоминания, которые она должна была испытать на тумфро. Путешествие маленькой волчицы проходило в точности так, как предрекал ей фенго, – в поисках истины и осознания своего места в мире. Как здорово, что у нее такая мать! «Мама! – думала Эдме. – У меня теперь есть мама!»

Заснеженные участки встречались все реже и реже. Постепенно теплело; погода становилась почти обычной для луны Сбрасываемых рогов. Правда, сброшенных рогов волки нашли не так уж много: словно многие стада просто не вернулись в места летнего обитания. Однажды такое уже было... «Уже было?» – молнией пронеслось в голове Фаолана. Откуда ему знать, что было раньше, если он живет-то всего лишь третье лето? Внутри снова взбурлили какие-то смутные воспоминания, обрывки снов, неясные мысли о давних событиях...

Он повернулся к Эдме.

– В гаддерхиле МакХитов ты сказала про Долгий Холод и...

– Заставила их поволноваться.

«Меня это тоже почему-то волнует», – подумал Фаолан, но высказывать пугающую мысль вслух не стал.

До Кольца Священных вулканов оставался день пути. Волкам не терпелось дойти до цели, но они решили не торопиться. Фаолан с Эдме слышали, что лучше всего подходить к Кольцу почти в сумерках, когда из жерл вулканов вылетают золотистые искры, оставляя на пурпурном небе огненные росчерки. Поэтому они заночевали в покинутом логове кугуара.

Луны на небе не было, зато высыпали бесчисленные звезды, отчего ночь казалась светлее обычного. Потом налетел ветер, принес с собой облака, и закапал холодный дождик. Волкам

вновь пришла в голову мысль о необычной для такого времени года погоде, но оба слишком устали, чтобы о чем-то размышлять. Вскоре они уже крепко спали.

* * *

Он шел по какому-то месту, которое не походило ни на землю, ни на небо, – один лишь густой туман, в котором ничего не разглядеть и не узнать, какое сейчас время года и какая луна.

«Я иду по мелководью времени», – почему то подумал Фаолан. Он почти не чувствовал своего тела, не ощущал шкуры, не понимал, куда и когда ступают лапы. Но мозг его все-таки уловил какое-то ритмичное биение. «Я ничто, и я все».

Туман расступился только у берега реки, и сквозь дымку Фаолан различил очертания противоположного берега, а на нем – очень старого волка, «древнего», как называли первых обитателей страны Далеко-Далеко. «Он же совсем слепой, – подумал Фаолан, – а смотрит вниз, словно выискивает следы. Отпечатки копыт! Следы оленей!» Почему-то серебристый волк был уверен, что «древнего» заботит тот же вопрос, что и его самого: отчего так мало оленьих рогов? Неужели олени не вернулись? Куда они ушли?

Лапы старого волка подкосились, и он тяжело рухнул на землю. Фаолан вдруг понял, что «древний» пришел сюда, чтобы совершить ритуал прощания с кланом, со стаей и со своим собственным телом. «Он умирает! Его жизнь прожита до конца, настало время уходить». Сквозь туман проступили очертания звездной лестницы, ведущей к Пещере Душ. «Сейчас он сбросит шкуру и взойдет на первую ступень, – подумал Фаолан. – Но разве мне можно это видеть?» Смерть – очень личное переживание, и все же... все происходящее во сне выглядело таким знакомым!

* * *

Фаолан не увидел, как старый волк взбирается по звездной лестнице. Он проснулся, когда на сером небе медленно гасла последняя звезда и разгоралась полоска алой зари. Он чувствовал, что ему приснился какой-то печальный сон, но не мог вспомнить подробностей. Ни единого обрывка. Но в душе его неожиданно воцарился покой. Фаолан посмотрел на спящую Эдме и понял, что ей тоже снится что-то приятное. Наверное, ее мать – Акира.

Часть вторая Кольцо вулканов

Глава восьмая Вид с хребта

По дороге на восток, к священным вулканам, Фаолан и Эдме не раз замечали, как над их головами со стороны королевств Га'Хуула пролетают совы. Все они стремились на юг.

«Хорошо хоть кто-то в это время года движется в верном направлении», – мрачно подумал Фаолан.

– С этого холма, наверное, уже видны вулканы, – сказала Эдме.

– Давай поднимемся, – предложил Фаолан.

И волки принялись взбираться по крутому склону.

С вершины действительно вдалеке вырисовывались громады пяти больших вулканов. Конусы их покрывала дымка, а два кратера еще и окутывало слабое сияние.

– Мы слишком далеко, чтобы увидеть пламя, – сказала Эдме. – Впрочем, у меня только один глаз.

– У меня два, но я тоже огня не вижу. Может, вечером разглядим, когда подойдем поближе?

– Зато я четко вижу, что нам еще несколько прыжков нужно преодолеть, – заметила Эдме.

Фаолан перевел взгляд вниз и увидел прямо под собой реку.

– Тайн смерфин, – прошептал серебристый волк.

– Что? – спросила Эдме и посмотрела на спутника, не отрывавшего глаз от реки. – Что ты сказал? Похоже на древний волчий язык.

– О чем ты?

– Ты сказал «тайн» и еще что-то там, какое-то слово.

– Я сказал: «Клянусь костным мозгом». Так говорят.

– Нет, не то, – настаивала Эдме. – Ты прошептал что-то непонятное, словно на древнем волчьем языке. Пусть у меня один глаз, но ушей-то два, Фаолан.

– Я просто смотрел вниз, на реку. Да взгляни сама.

Вода уже не отливала янтарем – она излучала изумрудное сияние, как волчьи глаза. Но внимание Фаолана привлек не ее цвет – он не сводил глаз с берега.

А на берегу два волка и большая медведица гризли объедали крупную тушу, похожую на лосиную. На мелководье резвились двое медвежат. Чуть поодаль своей очереди ожидали еще с десятков волков. Время от времени медведица подходила к детенышам и отрывала куски парного мяса.

Зрелище заворожило Фаолана. Из древних легенд он слышал, что иногда медведи и волки делились друг с другом добычей. А теперь еще и вспомнил, как вожди кланов говорили, что Священная Стража хранит часть прежних обычаев.

– Наверное, это стражи, – прошептал Фаолан.

– Да, я тоже так подумала. Я слышала, они так делают. Странно, правда?

Серебристый волк не ответил. Ему происходящее вовсе не казалось странным, вот только он не знал почему. Отчасти увиденная сцена напомнила Фаолану детство, когда он с нетерпением ожидал возвращения Гром-Сердца с охоты, чтобы получить от нее свою часть добычи. Запах свежего мяса смешивался с запахом слюны изо рта кормилицы, и от этого запаха желудок у волчонка сжимался в предвкушении пиршества.

– Ты снова вспомнил о своей медведице, Фаолан? – спросила Эдме.

– Да, – ответил он слегка дрожащим голосом. – Хотелось бы мне спуститься и поговорить с этими волками.

– Нет, мы должны идти к Горячим вратам – так сказал фенго. Там нас встретят по обычаю и проведут к Кольцу Священных вулканов.

– Мы даже не знаем, как выглядят эти Горячие врата. Странное название. А вдруг мы их пропустим?

– Ну не знаю. Наверное, это что-то вроде небольших вулканов по дороге к Кольцу. Ой, гляди, Фаолан, внизу есть скалистый выступ, как раз там, где нужно. Медведица с волками с подветренной стороны, они нас не заметят.

Долго сопротивляться искушению Фаолан не мог. Казалось, ноги сами несли его вниз. Он даже ощутил знакомый запах парного мяса. Наверное, ничего страшного не случится, если они чуть-чуть понаблюдают за медведицей с малышами – к тому же с подветренной стороны.

* * *

Когда Фаолан и Эдме спустились на выступ, волки уже отошли от останков лося. На берегу реки осталась только медведица с двумя детенышами.

– Наверное, у нее берлога где-то рядом. Летом медведи любят жить у реки, где ловят рыбу, – сказал Фаолан.

– Какие хорошенькие! Прямо меховые шарики! И как они весело играют!

Серебристый волк снова погрузился в воспоминания: как ему самому было весело с Гром-Сердцем, как он катался на ее заливке, как они искали съедобные луковицы... Тогда он эти луковицы и корни ненавидел, а теперь отдал бы все на свете, лишь бы еще раз поискать их вместе со своей кормилицей!

Мать-медведица наелась и задремала под полуденным солнышком. Фаолану тоже захотелось спать. Странно, но ему казалось, что он наелся вместе с ней: глаза слипались, он с трудом заставлял себя смотреть на медвежат.

– Слушай, сейчас, когда волки ушли, а медведица наелась и заснула, может, нам тоже попробовать лосятины? – предложила Эдме.

– Иди одна, – отозвался Фаолан. – Я не очень проголодался.

Волк чувствовал сытость, хотя ничего не ел. Он закрыл глаза и тут же провалился в сон.

* * *

Фаолан не знал, сколько проспал и отчего проснулся. Но он сразу же пришел в себя, словно и не смыкал глаз. Что-то его насторожило. Волк наострил уши, поднял морду и прищурился. «Быть не может!» До того как заснуть, он едва сдерживался, чтобы не подойти к медведице, а Эдме теперь как ни в чем не бывало играет с медвежатами! Хорошо, что медведица до сих пор спит, а то маленькой волчице было бы несдобровать.

На негнущихся ногах он как можно осторожнее и тише спустился к реке, поглядывая на медведицу-мать. Да, она и в самом деле спит. Подобравшись ближе к Эдме и медвежатам, которые его заметили, Фаолан тихо зарычал.

Эдме с удивлением обернулась.

– Фаолан, что с тобой?

– Отойди от медвежат! Немедленно! Она же тебя убьет, если проснется!

Медвежата тоже в недоумении смотрели на волков. Эдме прочитала в глазах Фаолана неподдельный страх и поспешила отойти подальше.

– Иди за мной! – приказал Фаолан и побежал со средней охотничьей скоростью, то и дело оглядываясь назад. Один медвежонок последовал было за волками, но остановился, поняв, что ему их не догнать. Он выглядел таким растерянным и обескураженным! «Клянусь костным мозгом, сейчас расплачется!» – подумал Фаолан, но не сбавил шаг.

Отбежав на безопасное расстояние, Фаолан остановился и осуждающе посмотрел на Эдме.

– Что с тобой, Фаолан? Ты... Ты сам не свой. Ты не на шутку меня напугал!

– Я правда испугался. Если бы медведица проснулась, мы бы уже оба были мертвы. Никогда не дотрагивайся до медвежат и даже близко к ним не подходи. Когда к их детенышам подходят незнакомцы, медведицы буквально сходят с ума и становятся кэг-мэг, «кэгмаглок».

Эдме удивленно наклонила голову. Снова Фаолан произнес старое волчье слово. Да и во сне он бормотал что-то похожее.

– Извини, не знала.

– Ты знаешь, как волчицы относятся к своим детенышам. Так вот, у медведиц все в тысячу раз сильнее. Мы-то привыкли, что за волчатами часто присматривают тетушки и соседи. А гризли, как правило, живут поодиночке и ни с кем не общаются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.